

ВИКТОР КОЖЕМЯКО

ЛЮБОВЬ И ОПОРА ПИСАТЕЛЯ РАСПУТИНА

В памяти они неразделимы

Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна Распутины...

Светлана Ивановна и Валентин Григорьевич...

В моей памяти они неразделимы, не живут друг без друга, и когда я думаю об одной половине этого удивительного единства, почти непременно каждый раз возникает передо мной и вторая половина.

Далеко не у меня одного в душе так осталось. Читаю объёмный том вышедших в Иркутске воспоминаний, посвящённых великому русскому писателю, и с радостью встречаю здесь о спутнице его жизни то, что самому хотелось бы сказать. Ну, например, “вижу Валентина Григорьевича с чудной его женой Светланой. Светлана была воистину женщина-свет! Красива, улыбка, скромна до невероятного! Пара!”

“Женщина-свет” – сказано хорошо и точно. Свет не только внешней красоты, но и внутренней, что сполна ощутил я за двадцать лет общения с этой замечательной семьёй. Видя их обоих в различных ситуациях, многое пережив вместе с ними, всё глубже осознавал необыкновенную роль жены в биографии Валентина Распутина.

И заключил для себя, что человек, более полувека прошедший рядом с Валентином Григорьевичем его подвижнической дорогой, слившийся с ним накрепко в общности радостей и горестей, главных трудов и невысказанных испытаний, как и он, достоин поклонения. Именно потому я решил написать про Светлану Ивановну, какой навсегда её запомнил. Вместе с Валентином Григорьевичем...

Это было после расстрела Верховного Совета

В моём представлении жизнь их резко делится на две части – счастливую и несчастливую. Конечно, это не значит, что сперва были одни лишь удовольствия, а потом ничего отрадного не случилось совсем. Однако мера, масштабы счастья и несчастья оказались несопоставимыми. Ведь бедствия их семьи переплелись с гигантской катастрофой всей страны.

Мне выпало общаться с ними и достаточно близко их узнать как раз в это наитруднейшее время. Близость нашу не преувеличиваю, однако взаимная доверительность заметно возрастала, вплоть до дружбы семьями. Понятно же, что людей, с которыми знаменитый Валентин Распутин поддерживал

более или менее постоянные отношения, существовало в его жизни множество. У нас сложилось так, как сложилось.

Первая встреча? Личное знакомство? Ох, личного тут было почти ничего. А встретился я впервые с ними обоими одновременно. У них дома, в московской квартире на Староконюшенном переулке, где затем больше всего мы и встречались. Ещё поэтому как-то быстро утвердилось у меня ощущение их слитности: способствовала тому домашняя обстановка, где, как правило, были они вдвоём.

Даже дверь по звонку открывали нередко вместе. Запомнилось, что первый раз было именно так. Запомнилось и чувство предельной сосредоточенности, владевшее мною тогда.

Ещё бы! Журналист “Правды” по предварительной договорённости прибыл для беседы с известнейшим писателем. Раньше бесед с Распутиным у меня не случалось. Кроме того, настраивали на особую ответственность время и повод предстоящего разговора.

Скажу, какое это было время: вскоре после расстрела Верховного Совета России в октябре 1993 года. А непосредственным поводом, заставившим меня обратиться к Валентину Григорьевичу Распутину, стало интервью в связи с тем расстрелом, которое дал газете “Подмосковные известия” поэт Булат Окуджава.

Вот уж 25 лет прошло, но не забылось потрясение, пережитое при чтении его интервью. Было такое чувство, что я задыхаюсь. Так же задыхался я при виде жуткого, кошмарного зрелища в центре Москвы, демонстрировавшегося несколько дней назад по телевидению. Но что говорит о нём “проникновенный лирик” Окуджава!

“Для меня это был финал детектива. Я наслаждался этим. Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним не было. И, может быть, когда первый выстрел прозвучал, я увидел, что это — заключительный акт. Поэтому на меня слишком удручающего впечатления это не произвело”.

Да разве может такое быть?! Не веря глазам своим, я вдруг начал мысленно перебирать имена высших литературных и нравственных авторитетов, которые достойно ответили бы на этот прямо-таки людоедский пассаж.

Увы, передо мной лежала ещё одна газета — “Известия”, а в ней было напечатано перед расстрелом Дома Советов обращение под заголовком “Писатели требуют от правительства решительных действий”. И 42 подписи тех, кого называли “инженерами человеческих душ”. Авторитеты? Вроде бы да... Вроде бы! Окуджава-то — среди них. А последняя подпись, в нарушение алфавита, то есть подцепленная, видимо, в последний момент, — Виктора Астафьева, объявившего себя с некоторых пор рьяным сторонником президента Ельцина.

Словно голос свыше подсказал мне в те минуты имя возможного моего собеседника по поводу Окуджавы. Имя писателя, чья подпись под этим коллективным письмом, подтолкнувшим кровавую бойню, ни в коем разе не могла появиться.

Я позвонил Валентину Распутину. Что говорить, давно по-особому любил этого писателя и старался не пропускать ничего, что выходило из-под его пера. Он и в “Правде” выступал с интереснейшими и очень важными публикациями. Но тогда это была главная газета страны, а теперь она с огромным трудом высвобождается из-под очередного ельцинского запрета. Многие, казалось, верные в прошлом авторы, даже если не порвали с нами немедленно, затем под разными предлогами стали отходить всё дальше и дальше. Согласится ли Распутин на рискованное предложение?

А он согласился сразу. Больше того, мне показалось, как будто ждал подобного звонка.

— Когда разрешите приехать? — спрашиваю я.

— Да хоть сейчас.

Так начиналась наша работа

И вот я в его рабочем кабинете. Скупое осеннее солнце сперва подсвечивает наш разговор, а потом в сумерках скрывается. Но мы продолжаем говорить, и никаких ограничений в моих вопросах от собеседника не следует.

Он только вскользь попросит прислать ему подготовленный текст беседы – “для уточнения”. Я же, грешным делом, подумал: “Ну вот, срежет все острые углы”.

К сожалению, такое бывало и бывает нередко. Причина обычно банальная: не уколоться бы об эти углы, не вызвать недовольства у власть предержащих.

Видимо, Валентин Григорьевич угадал мою мысль (по выражению лица, что ли?) и, реагируя, с некоторой даже поспешностью стал разъяснять, чем вызвана его просьба:

– Понимаете, говорун экспромтом я бываю не очень точный. А хочется, чтобы до читателя доходило всё в лучшем виде. Но для этого дополнительно подумать надо, слово самое уместное поискать или фразу перестроить. Остроты же убавлять не намерен.

В дальнейшем я с радостью убедился, что он ничуть не лукавил. В будущих наших беседах, которые публиковались в “Правде” и “Советской России”, а затем составили три книги, не помню ни одного случая “срезания углов”. Вся работа его по улучшению этих текстов вполне сравнима с писательской работой над словом в художественных произведениях. Он и сам говорил: “Публицистика в этом смысле не отличается для меня от повести или рассказа”.

Так что, читая книги его бесед со мной – “Последний срок: диалоги о России”, “Боль души”, “Эти двадцать убийственных лет”, – знайте: он относился к ним без скидок, с обычной и неизменной распутинской взыскательностью. Другое дело, что работать из-за наступавших на него недугов становилось ему всё труднее. По этой причине сроки, запрашиваемые им на “уточнение” той или иной беседы, иногда растягивались...

Согласно истинному гостеприимству

Но это будет потом. А сейчас вернёмся в тот октябрьский день или уже вечер, когда завершали мы наш первый разговор. Я стал благодарить Валентина Григорьевича и прощаться, однако услышал за спиной женский голос:

– Нет, нет, мы вас просто так не отпустим. Ведь время ужинать, а то вам с голоду и домой не добраться.

Это было первое, что я от неё услышал, смущённый таким радушием. Валентин Григорьевич в ответ на мою растерянность и отнекивания только шутливо развёл руками: дескать, она хозяйка – ничего поделать не могу.

Так неожиданно оказалось я за семейным столом у Распутиных, что потом в течение двух десятков лет повторится многократно. И здесь уже впору задуматься об их сложившемся домашнем укладе, каким к тому времени я его застал.

Читая упомянутый том воспоминаний разных людей о Валентине Григорьевиче, любовно изданный недавно талантливым иркутским поэтом и его родственником Владимиром Скифом, я наталкивался не раз на схожий момент – приглашение Распутиным кого-нибудь из будущих мемуаристов к себе домой “почаёвничать”, а то и переночевать, коли речь шла о заезде человека. Причём близость приглашаемых, насколько я заметил, вовсе не обязательно была какой-то особенной. Началось так ещё в красноярской юности, когда были Валентин и Светлана молодожёнами, и продолжилось на всю оставшуюся жизнь.

Что же побуждало одного создавать “лишние неудобства” в быту, а другую безропотно их принимать и переносить? Всё-таки основная тяжесть этих неудобств, как ни крути, ложилась на жену.

Корысти или любому её подобию места в таких приглашениях вспоминающие не находят. Ни в молодые годы начала их семейной жизни, когда был он журналистом краевой газеты, а она – преподавателем высшей математики в Технологическом институте, ни тем более тогда, когда стал Распутин знаменитым писателем: тут уж другие за честь почитали его пригласить.

Ну, скажите, какая выгода ему и жене его оставлять на ужин человека, которого они видят в первый раз и ещё не известно, увидят ли во второй? Возвращаясь от них и размышляя на сей счёт, объяснил я это себе укоренённостью истинного гостеприимства. Когда просто неловко бывает проводить за дверь человека, зная, что сам после этого сядешь есть. Не может так быть, не должно. Если угодно, диктует это откуда-то из глубины глубин чувство, названное нравственным императивом. Отмирающее ныне чувство?..

Наверное, чересчур задержался я на “проблеме” приглашения за стол. Но как думал тогда, так и пишу. О том пишу, что остановило моё внимание в памятный первый день, а затем и вечер у Распутиных.

Перебарывая понятную стеснительность, как-то незаметно окунулся в удивительно обаятельную, тёплую атмосферу, создавшуюся словно сама собой. Однако создала её душевностью своей хозяйка дома, принявшая на себя, как теперь говорят, обязанности ведущей.

Конечно же, она по-своему выручала мужа, уставшего после долгой нашей деловой беседы. Но в общении этой действительно красивой и очень чуткой женщины не было при том ничего наигранного, нарочито искусственного, деланного – сама естественность и простота.

Темы разговора поначалу переходили с одной на другую, пока ожидаемо не задержался он на главной теме этих дней. А как же! Она ведь проникла во все поры столицы и страны, в каждую семью и квартиру. И что удивляться, если от обстоятельного обсуждения с Валентином Григорьевичем мы опять пришли в конце концов к тому же: к расстрелу Дома Советов на Краснопресненской набережной.

Только теперь больше нас обеих говорила жена Распутина. Страстно говорила, горячо. Помню, рефреном у неё повторялось:

– Ну, скажите, как такое могло произойти?

А я думал: она же не слышала нашего разговора с мужем, но мысли её с ним полностью созвучны. И это впечатление, которое повторится у меня позднее в разных обстоятельствах, вынес я в тот вечер из их дома.

Узнавал её постепенно

Надо прямо сказать: до этого я фактически ничего о ней не знал. И лишь постепенно выяснялось, насколько уникальна, интересна, глубока её собственная личность.

Коротко о характере и содержании моих отношений с Валентином Григорьевичем, сделавших меня входящим в их дом. Это было его решение – согласиться на беседу для “Правды” в условиях гонения власти на нашу газету. Первая беседа ему явно понравилась, о чём он сам сказал мне после её публикации. Безусловно, на том отношения могли бы закончиться, но не кончились, продолжившись надолго.

Я и сейчас затрудняюсь однозначно ответить, что в решающей степени определило их продолжение. Однако факт остаётся фактом, и это опять-таки был его выбор. Для меня же, понятно, такое доверие со стороны Распутина стало исключительно важным.

Как строилось наше сотрудничество? Не сразу, но установился в беседах свой постоянный ритм. Если сначала они не были регулярными и откликались на текущие события, которые его больше всего волновали (по принципу “не могу молчать”), то со временем он предложил следовать назначенной системе. А продиктовал эту систему, можно сказать, их образ жизни той поры.

С весны до поздней осени они старались жить на иркутской земле. А к зиме возвращались в Москву. Так вот, за время их отсутствия по просьбе Валентина Григорьевича готовил я ему свои очередные вопросы. Расширенные, занимавшие по нескольку страниц. И предполагавшие анализ не только отдельных фактов за год, но и тенденций в жизни политической, общественной, культурной. Хотя чаще, увы, антикультурной. . .

Подготовка этих вопросов занимала меня постоянно. Иногда мы перезванивались, что-то согласовывали. Когда же наступал срок нашей встречи, у меня возникало одновременно чувство праздника и экзамена.

В самом деле, выходя из метро на Арбат и приближаясь к их дому, я испытывал редкостный душевный подъём, соединённый с напряжением ответственности, которая тоже редко бывает.

Я уже говорил, что встречали в дверях, как правило, они вместе. А пока мы с Валентином Григорьевичем работали в его кабинете, незримое присутствие Светланы Ивановны нам сопутствовало. Это ведь она, несмотря на все жизненные невзгоды, умела поддерживать для мужа атмосферу наибольшего благоприятствования. Но чего это стоило ей, особенно в те годы, о которых я пишу. . .

С 1991-го, рокового для страны, Распутин волею власти и её “демократической” obsługi был окончательно поставлен в положение изгоя. Травить его “демократы” начали ещё раньше, а после “Слова к народу”, которое он под-писал, всеми силами стремясь остановить уничтожение Советской державы, это были уже не отдельные злобные выпады и атаки. Он оказался теперь в плотном кольце враждебности – оказался вместе со своей семьёй.

Дорогой ему женский образ

Многие сегодня, наверное, и не знают, что Распутиных в то время реши-ли даже вышвырнуть из их московской квартиры. И вышвырнули бы, как рас-сказывали мне, если бы на защиту мужа и дочери не поднялась Светлана Ивановна.

Удивляться не стоит, что главным защитником дома от гонителей стала она, а не всемирно известный писатель. Валентин Григорьевич мог упорно постоять (и действительно стоял!) за других, только не за себя.

Между тем выселение грозило серьёзными сложностями не только им обоим, но и жившей с ними дочери Марии, которая тогда поступила в Мос-ковскую консерваторию и делала здесь первые успешные шаги. А сам Вален-тин Григорьевич был остро необходим в столице, где всё чаще по просьбам людей приходилось ему выступать в самых разных аудиториях. Особенно нуж-ен он был Союзу писателей России, который “демократы” уже внесли в чёр-ные списки на расправу и за который предстояло настойчиво бороться.

Словом, потребовались от Светланы Ивановны огромные усилия, чтобы, отстаивая квартиру, найти сочувствующих в коридорах московской власти. И это при том, что в обычной жизни, как признают знающие люди, никакой особой предприимчивостью она никогда не отличалась.

Хотя тут не предприимчивость решающей стала, пожалуй, а, скорее, си-ла душевная, соединённая с готовностью подвижничества. Я выскажу сейчас мысль, которая уверенно вызрела у меня за годы общения с ними обоими. Вот справедливы восхищения женскими образами в повестях и рассказах Распутина. А ведь они, по моему убеждению, отразили и прекрасный образ его жены, всё лучшее в ней.

Приведу о женщинах фрагмент из беседы писателя с иркутским литерату-роведом и критиком Надеждой Степановной Тендитник:

“В традициях русской литературы доверять именно женщинам выражение основных авторских мыслей. Так было в прошлом веке, так и в нынешнем продолжается. Связано это вообще с ролью женщины в нашей жизни. Жен-щина – содержательница и хранительница домашнего очага, мать и воспита-тельница детей. И то, каким будет человек, с каким сердцем он станет жить, в большей степени зависит от матери, чем от отца. Женщина – мягкость, неж-ность, доброта и душевность, красота и тайна человеческая. Женщина – глу-бина и чуткость чувств, их предельная развитость и отзывчивость. Но вместе с тем – житейская мудрость, наследованная от поколений предков, потому что женщина, оставаясь с семьёй, не могла растерять её по ближним и даль-ним дорогам... Поэтому она для литературы была и остаётся благодатным, надёжным материалом, без которого никак не обойтись не только в любовных сценах (которые тоже важны в литературе), но и в постановке и решении са-мых глубоких гражданских и человеческих проблем.

Критика отмечала, что у меня лучше всех получаются женские образы, – это старуха Анна в “Последнем сроке”, Настёна в “Живи и помни”, старуха Дарья в “Прощании с Матёрой”. Мне это и приятно, потому что то, что можно было доверить, что хотелось выразить в той или иной повести, у меня полу-чается лучше всего с помощью женских характеров”.

Один из них, данный самой жизнью и вошедший в основу образов лите-ратурных, – это, безусловно, характер его жены.

Его жена и мать Марии

Чем больше узнавал её, тем более в этом утверждался. К тому времени, когда стал я посетителем их дома, основные повести, о которых говорит Валентин Григорьевич в процитированной беседе, были им уже написаны.

Предстояло написать трагическую “Дочь Ивана, мать Ивана” и цикл горьких рассказов, также отразивших реалии “убийственных 90-х”.

Сюжет новой повести, которая писалась им, я знал. В безысходном положении, когда невозможным оказалось найти правду, чтобы наказать виновных в глумлении над дочерью, мать берётся за ружьё и сама приводит в исполнение вынесенный ею приговор.

У Распутиных тоже дочь – Мария, или Маруся, как они её называют. Есть ещё и сын Сергей, но он со своей семьёй живёт в Иркутске. Маруся, как я уже упоминал, училась в Московской консерватории, после окончания которой стала здесь же работать.

У неё было две специальности – история музыки и орган, на котором она давала сольные концерты. Бывали её концерты органной музыки и в родном Иркутске, куда она готовилась всегда с особым старанием и волнением.

Не каждый раз заставлял я её дома, однако встреч было достаточно, чтобы почувствовать характер и отношения с родителями. По натуре она заметно схожа была с отцом, схожа особенно молчаливостью и сдержанностью. Но когда была с матерью, казались они мне двумя одноклассниками-подружками, готовыми подолгу доверительно шептаться, смеяться и шутить между собой.

Уже задним числом, когда будет написана “Дочь Ивана, мать Ивана”, а Марусю в 2006-м постигнет своя трагедия, унёсшая её жизнь, я думал: работая над этой повестью, Валентин Григорьевич наверняка видел за её героинями самых близких ему женщин. Видел и ужасался тому, что пришлось пережить литературным дочери и матери, ещё не зная, что уготовила судьба матери и дочери в его семье и ему самому...

Положение Светланы Ивановны будет даже тяжелее и безысходнее, чем у мстительницы из повести. Там хоть был персонаж, которому она могла отомстить за надругательство над любимым человеком. А кому персонально адресовать возмездие за гибель в авиакатастрофе 125 человек, в том числе дорогой, бесценной её Маруси? Аварии самолётов со смертельным исходом резко участились потому, что в условиях наступившего капитализма “бизнесмены” начали закупать по дешёвке зарубежный авиахлам, недопустимый в перевозке людей.

И вот очередной результат: только что были живы эти 125 – и уже их нет. Каким непоправимым горем рухнула это на Светлану Ивановну и Валентина Григорьевича! Есть фотография, запечатлевшая момент, когда они со своим сыном Сергеем идут на процедуру опознания. Страшно смотреть на всех троих...

Есть и ещё один снимок, сделанный около пяти лет спустя талантливейшим фотомастером Павлом Кривцовым и вошедший в его альбом “Святая Русь”. Здесь – прощание мужа и жены, когда уже ясно, что она обречена.

Трудно сказать, кому из них хуже. Валентин Григорьевич откинулся на спинку кресла, совершенно обессиленный. А Светлана Ивановна, заботливо склонившись над ним, пытается мужа утешать. Удар судьбы оказался столь сильным, что, в конце концов, мать не смогла перенести смерть дочери...

А мне врезался в память последний мой разговор с Марусей, когда вышла она с матерью провожать меня в переднюю (Валентин Григорьевич накануне улетел в Иркутск, а я приехал за оставленным им материалом). Так вот, прощаясь, мы разговаривали, и Светлана Ивановна вдруг сказала:

– Извините, пожалуйста, у Маруси возникло затруднение, в котором я не могу ей помочь. Может быть, вы помните, чьи это стихи?

*О милых спутниках,
которые наш свет
Своим сопутствием
для нас животворили,
Не говори с тоской:
“Их нет”, –
Но с благодарностью:
“Были!”*

– По-моему, это Жуковский, – ответил я, не вполне, впрочем, уверенный.

Приехав домой, заглянул в книгу. И вздохнул с облегчением: не ошибся.

Как они оказались вместе – на всю жизнь

Моя тема – жена писателя. Большого, выдающегося, великого. Созданное Валентином Распутиным невозможно переоценить. Но рядом с творцом бывает человек, чей вклад в его наследие тоже заслуживает высокой оценки.

Из русской классики у меня прежде других вспоминается имя жены Достоевского. Дело ведь не только в том, что она под диктовку стенографировала его гениальные романы. Дело в глубине понимания, в личностном совпадении чего-то необыкновенно важного для творчества и в стремлении это важное творцу отдавать.

А как Светлана Молчанова стала женой будущего писателя? Достаточно подробно рассказывает о ней в своих воспоминаниях младшая её сестра Евгения Ивановна. Повторять полностью не буду, но сослаться кое на что из свидетельств знающего человека я просто обязан.

Во всём есть внешнее и внутреннее. Вот внешнее в описании сестры:

“С Валентином Распутиным, начинающим журналистом, Светлана познакомилась, когда училась на физико-математическом факультете ИГУ (Иркутского госуниверситета. – В. К.). Высокая, стройная, спортивная (она любила играть в большой теннис), красивая, с тонкими чертами лица, да ещё и знающая толк в литературе, она не могла не привлечь его внимания. Они начали встречаться”.

А вот о том же, внешнем, говорит много лет спустя сам Валентин Распутин:

“... После окончания университета неожиданно для себя я поступил на работу в молодёжную газету. И вот однажды, на набережной Ангары, неподалёку от университета, встретил свою будущую жену. Встретил её, ну и, конечно, увлёкся. Она была хороша собой, она и сейчас хороша, а тогда была хороша особенно”.

Подобных встреч бывают тысячи и тысячи. Вполне обычно. Молодой журналист, красивая девушка-студентка. Могли вскоре и “разбежаться”. Вполне. А если всё же не разбежались, если он станет известным писателем, а она его женой на всю жизнь? Чтобы понять это, надо внимательнее всмотреться в их внутренний мир.

Евгения Ивановна: “... Помогают нам в этом сохранившиеся письма В. Г. и дневники С. И. той поры. Валентину и Светлане едва за двадцать. Но уже чувствуется тонкий писательский талант в тоскующих и одновременно самоироничных посланиях юного иркутянина, уроженца своей любимой деревни Аталанка. Она во время летних каникул уехала с группой студентов на строительство клуба в колхоз, и вот он пишет ей. Не каждый, далеко не каждый может так щемяще пронзительно выразить то, что переживает:

“Салют, Светка!

А завтра был дождь, и я решил пересмотреть своё отношение к погоде. Теперь моя любимая – солнце. Мне было грустно, потому что шёл дождь и потому что ты уехала чёрт знает куда. В магазинах продавали квас и водку. Люди ходили по лужам под зонтиками. И шёл дождь. А я должен был слушать фестивальные песенки про любовь и радость жизни. У меня болела голова.

А потом было солнце. Утром я по привычке зашёл в магазин. В тот самый, который новый и который стоит напротив вашего дома, и чуть было не позвонил тебе. А потом вспомнил, что тебя нет. Ну, и не надо. Подумаешь, невидаль, Светка! Задавала Светка, каприза Светка. Ну, и не надо. Вечно она издевалась надо мной...

Да, Светка, завтра вечером я еду в Кутулик. Буду там дней пять. Не бойся – постараюсь тебя не увидеть, в ваш колхоз не ездить. Я благоразумный человек и знаю, как тебе сделать приятное.

А клуб, поди, растёт и растёт. Ты, поди, главная фигура на строительстве, и с тобой советуется сам председатель колхоза. Вы, поди, взяли соцобязательство закончить строительство не за месяц, а за полмесяца, для чего увеличить фронт работ, повысить производительность труда, снизить себестоимость того-то и того-то, потребовать, принять, обязать, нажать и т. д. и т. п. Чудо, а не работнички...

Стоп, Светка. Я хотел отправить тебе целых пять вот таких листов и подробно осветить, какой я в тебя влюблённый, но подлое начальство догадалось, что моя голова занята совсем не тем, чем ей полагается заниматься, и соизволило отправить меня в Шелехов для освещения вопросов технического прогресса.

Такова жизнь. И ничего не поделаешь.

Верь, что я и в самом деле в тебя влюблённый и что мне многого стоит не удобрить это письмо горькими слезами. Я напишу тебе из Кутулика. А сейчас мне грустно, и грущу я по тебе, и мне тяжело, и мне обидно, и я напишу, и я буду хорошим, и ты мне ответишь, и мы встретимся, и я буду счастливым, и всё будет хорошо.

Пока, Светка. Знала бы ты, как мне хочется с тобой поболтать. Надеюсь, что со временем мне это удастся. Адью.

Я – это Валька. А то ты, чего доброго, перепутаешь ещё”.

Написано 6 июля 1960 года. А почти в это же время та, кому письмо адресовано, записывает у себя в дневнике своего рода жизненное кредо:

*Надо жить в полную
силу. Дерзать. Творить.
Бояться повседневности.
Подчинять её себе.
Всегда везде быть сильной,
независимой.
И чтобы все это знали.
И никогда не раскисать,
по крайней мере, чтобы никто
не видел этого.*

Евгения Ивановна заметила от себя о сестре: “Этим принципам она следовала всю свою жизнь”.

Я ей верю. Абсолютно. Потому что многое за двадцать лет нашего знакомства видел сам и во многом убедился.

Выделю два факта и кое-что ещё

Что же касается влияния Светланы Ивановны на мужа (влияние их было, конечно, взаимным), то необходимо, по-моему, сослаться на два факта, относящихся к первым годам их совместной жизни.

Факт первый. Окончив университет, она не осталась в Иркутске, а поехала с мужем и полторагодовалым сыном на самостоятельную и весьма нелёгкую жизнь в Красноярск. Так решила и на том настояла.

Факт второй. По истечении всего нескольких лет именно она убедила мужа покинуть газету и перейти на профессиональную писательскую работу. Был тут безусловный и немалый риск. Но она пошла на него, готовая лично многим поступиться. Почему? Верила в талант Валентина Распутина и хотела, чтобы условия для творчества были у него наилучшими.

Очень много значило это! Всерьёз надо сказать: сложись иначе, могло и не быть писателя Распутина, каким вознесётся он на всю страну и весь мир. Есть тут роль жены или нет?

Младшая сестра отмечает в старшей следующее: “Светлана была незаурядной, многогранной личностью. После её смерти остались дневники, которые она вела в студенческие годы, ещё до замужества: две общие тетради, где она записывала все свои сокровенные мысли, размышления о жизни, понравившиеся ей стихи, отрывки из прозаических произведений, впечатления о прочитанном”.

Список упомянутых в дневнике книг внушительный. Любовь к литературе очевидна, так что Валентину со Светланой было о чём поговорить. И это, несомненно, их тоже объединяло, тоже продиктовало ей дневниковую запись 20 сентября 1960 года: “Часто сейчас мне стало казаться, что В. Р. – судьба моя”. С февраля 1961 года, по свидетельству сестры, они уже не расставались.

Приведу ещё весомый вывод от Евгении Ивановны: “Светлана была очень заботливой, любящей женой, старалась создать Валентину все условия для работы, но вместе с тем она – первый читатель, строгий и справедливый критик. Конечно, он понимал, что она значит для него”.

Понимал, ценил, был благодарен... Это я уже от себя пишу, потому что, несмотря на природную сдержанность Распутина, его чувства к ней нельзя было не заметить. И настанет момент, когда скажет, словно выдохнет: “Она для меня – всё”.

Соучастие было разным

Читая том воспоминаний о нём, собранных и изданных мужем Евгении Ивановны Молчановой – поэтом Владимиром Скифом (вместе с ней!), во многих из них встречаю имя Светланы Ивановны. Да, видимо, все или почти все, с кем он дружил или встречался, особенно писатели его круга, Светлану Ивановну знали и с теплотой душевной написали о ней. Причём вспоминают не только бытовые какие-то подробности, но и связанное с писательской работой, с литературой. Валентин Григорьевич и она, Светлана Ивановна, возникают здесь в том дорогом для меня единстве, которое недопустимо забыть.

С волнением читал у самарского писателя Эдуарда Анашкина историю издания книги его рассказов под названием “Запрягу судьбу я в санки”. Было это на стыке 1990-х и “нулевых” годов, а началось знакомство двух авторов чуть не за полвека до этого. Да сколько таких знакомств у Распутина к тому времени произошло, попробуйте вообразить. В моём представлении едва ли не самый тяжкий груз для широко известного человека – поддерживать добрые отношения с бессчётным числом людей, каждый из которых надеется, да и в самом деле право имеет, на эти отношения. А уж среди писателей обычное дело – вручить свою книгу или рукопись с тем, чтобы “широко известный” поспособствовал в издании либо публично откликнулся.

Много раз был я свидетелем, как на всяческих встречах нагружали Валентина Григорьевича настолько, что приходилось помогать ему потом доставлять нелёгкую книжную ношу домой. Однако при всём при том нередко он и сам “вызывал огонь на себя”. Вот про такой именно случай и рассказывает Эдуард Константинович Анашкин. Приехав в Москву из своего села Майское Самарской области и заглянув в правление Союза писателей России, пересёкся здесь неожиданно с Валентином Григорьевичем. И тот, поздоровавшись, спрашивает: “А где новая рукопись? С собой?” Будто специально разыскивал!

Рукопись оказалась с собой. Получив её, Распутин обещал посмотреть и сказать своё мнение. А под конец пригласил к себе, в Староконюшенный, где Анашкин ранее уже бывал.

Но на сей раз, боясь быть навязчивым и не желая отнимать у Валентина Григорьевича драгоценное время, по знакомому адресу он не поехал. И что же далее? Читайте:

“Возвращаюсь домой в Самарскую область. Через несколько дней после возвращения от Распутина звонок: “Ты почему не пришёл ко мне? Я разыскивал тебя в Переделкино, не нашёл, сказали, что уехал. К твоей новой книге я написал короткое предисловие. Когда получишь письмо, позвони, если с чем-то не согласен. Буду ждать звонка... Светлане Ивановне очень понравились твои рассказы, она даже плакала”.

Автор тут же замечает: *“Может, и нехорошо в том признаваться, но, услышав слова о том, что фактически я довёл до слёз Светлану Ивановну, я обрадовался!”*

А я, признаюсь, обрадовался ещё и потому, что в который раз получил подтверждение совместной работы и общего мнения супругов Распутиных. То, что Валентин Григорьевич среди своей занятости и нездоровья сам вызвался прочесть рукопись, а потом написал предисловие к будущей книге, свидетельствует: ему труд давнего товарища пришёлся по душе. Но прочитал этот труд не он один, а и жена его тоже. Интересно, кто первый? Как обсуждали? А в оценке рукописи слёзы Светланы Ивановны, конечно, стали убедительным аргументом за издание.

“Эта книга, – отметит в предисловии Валентин Григорьевич, – написана бывшим детдомовцем, и вся она – от начала до конца – посвящена им же. Надо ли говорить, что это особого психического склада люди, униженные своим сиротством и оскорблённые той жестокой действительностью, которая с каждым годом всё беспощадней продолжает творить сиротство. Спасти их может только совокупное добро...”

Статью свою он назвал “На добро – добром!” И сам же на деле показал, как должно быть: позаботился, чтобы рассказы, выпущенные, к сожалению, небольшим тиражом, были переизданы в целом ряде журналов и газет. И журнал “Уроки литературы” даже организовал во многих школах занятия по этим рассказам!

“Как хорошо, что вы есть”...

А сколько ещё предисловий, рекомендаций, сочувственных писем и отзывов, критических разборов появилось из-под пера Валентина Григорьевича за эти последние два десятка лет его жизни...

Что говорить, не основное это дело для прославленного писателя. Он и сам иногда сетовал: вот, дескать, ничего другого уже не могу, а потому трачу время на всякую “мелочёвку”.

Помогать другим – вот что стало основной его заботой в те переполненные болезнями и страданием годы. А жена, самый близкий ему человек, находившийся рядом, делила эту заботу на двоих.

Знаю, что Светлана Ивановна, как и в случае с Анашкиным, бралась читать рукописи и книги, чтобы подсказывать мужу, что, на её взгляд, заслуживает наибольшего внимания. Доверявший ей, он прислушивался всегда очень внимательно.

Вот и наши с ним беседы, продолжавшиеся все эти годы, освящены были её участием. Потому что не только набирала она их на компьютере, выполняя чисто техническую работу, но и, как я понял, высказывала Валентину Григорьевичу свои советы и пожелания.

Беседам этим, о чём я уже говорил, он придавал большое значение, видя в них тоже способ помощи людям. Многие в эту непроглядно тёмную и глухую пору ждали его слова, а ведь широкой трибуны в СМИ ему не давали. Из газет только “Правда” и “Советская Россия” остались с ним.

– Как хорошо, что вы есть, – говорил он, вручая мне текст, над которым после очередного нашего разговора по обыкновению долго и тщательно работал. И я по-особому обрадовался, когда однажды, принимая в его отсутствие от Светланы Ивановны набранные на компьютере листы, услышал от неё то же самое:

– Как хорошо, что вы есть...

Расскажу для сравнения

Задержусь здесь, чтобы высказать ещё одно наблюдение чрезвычайной важности. За годы журналистской работы довелось мне “по долгу службы” встречаться со многими известными людьми. Встречи происходили при разных обстоятельствах и оставляли разные впечатления. Так вот, насколько смелы были мои собеседники?

Речь, конечно, о смелости гражданской. Горько, досадно и обидно бывало, если человек, казавшийся тебе чуть ли не воплощением принципиальности, вдруг на глазах начинал меркнуть. А такое случалось, к сожалению, не единожды. Вступал в силу и брал верх “принцип” чеховского Беликова: “Как бы чего не вышло...”

Расскажу одну из поразивших меня историй, связанную с известным кинорежиссёром. Я долго присматривался и прислушивался к нему, прежде чем позвонил с предложением выступить в “Правде”. После 1991-го для многих “деятелей культуры”, крепко обнявшихся с ельцинской властью, это стало невозможным, категорически недопустимым. Но со временем кто-то свои позиции переменял, а про этого режиссёра мне говорили, что он и раньше к установившейся власти относился критически. Короче, прорывавшиеся иногда оппозиционные высказывания и поступки его я воспринимал как вполне резонные.

Побеседовать со мной он согласился. Даже, показалось мне, с радостью. Встреча была назначена у него дома, как только он вернётся из недолгой поездки в Испанию. И встреча действительно состоялась. Но...

Странно было в первые же минуты заметить, что интонация заданного им общения резко отличается от той, которая была в телефонном нашем разговоре. Тогда – приветливость и радушие, а теперь – официальность, граничащая с неприязнью. Что случилось? Прямо-таки другой человек...

Разговор, когда я включил диктофон, тоже пошёл соответственно. Собеседник безо всякого повода с моей стороны раздражался, выговаривал мне то за какой-нибудь вопрос, то за непонравившуюся реплику, которая якобы сбивала его “с мысли”. Но мысли эти были настолько невнятные и противоречи-

вы, что понимались с трудом. А всё яснее становилось: он старательно уходит от острых современных проблем, интерес к которым и свёл меня с ним.

Промучились мы таким образом часа два. При этом у меня нарастало сомнение: а хочет ли он, чтобы эта беседа была подготовлена к печати и опубликована? При прощании, однако, договорились: я на основе диктофонной записи готовлю текст, а он потом вносит свои поправки, дополнения, сокращения и т. д.

Но ничего он делать не стал. Через какое-то время позвонил и сказал: беседа его не устраивает, печатать её не согласен.

Неудачи в работе бывают. Однако меня не отпускало явное изменение отношения его к предложенной работе. Сперва обрадовался, а затем обозлился. Хотя ведь ничего плохого за это короткое время я ему не сделал.

Свет на происшедшее пролила одна моя знакомая из кинематографической среды. Услышав мой рассказ и мои сетования, высказалась чётко:

— Это жена. Влияет на него сильно! А тут как раз им обоим должны были премию телевизионную вручать. Ну, и рассудите: к чему в такой момент газета “Правда”?

Ох, как всё просто, оказывается. Жена...

Пока мы с ним беседовали, она, популярная актриса, была дома, однако к нам не вышла, а объяснение по поводу назначенного интервью между ними, стало быть, уже состоялось. И актриса одолела режиссёра. Впрочем, насколько упорно он сопротивлялся — тоже вопрос.

Могло ли произойти что-либо подобное между мужем и женой Распутиными? Нет и ещё раз нет! Да если допустить возможность этого, тогда следует признать, что книги наших бесед просто не состоялись бы. По остроте с режиссёрским интервью они несравнимы: Валентин Григорьевич остроты не избегал, а Светлана Ивановна к тому его не понуждала. По очевидной для меня причине: их боль за переживаемое Россией была общей.

И, конечно, не могла жена давить на мужа, чтобы поумерил он прямоту и резкость своих выступлений. Говорил и писал так, как думал. А она думала, как и он.

Когда привозил я номер “Правды” или “Советской России” с очередной нашей беседой, в её глазах светилась радость. Да, рождалось всё это при её участии, она сама печатала текст, однако ей хотелось ещё раз перечитать его в газете. Улучив несколько минут, присаживалась для этого где-нибудь на кухне.

А при следующих наших встречах рассказывала мне, какие были отклики от знакомых и незнакомых, интересуясь также, что пришло в редакцию. Наиболее интересные письма из тех, которые я привозил, читались вслух. Бывало, она говорила:

— Смотрите, это может стать темой для обсуждения.

Очень верно она чувствовала самое для людей наболевшее.

“Она для меня всё”...

Среди воспоминаний Евгении Ивановны Молчановой прочитал я признание Валентина Григорьевича жене, оставленное в связи со знаменательной для них датой на титульном листе вышедшей к тому времени книги “Сибирь, Сибирь...”: *“Моей Светке-Светлане в день 40-летия нашей совместной и довольно счастливой жизни — эту книгу как знак благодарности за подвиг мученичества и любви и как результат наших общих трудов”*.

Он и книги на память очень вдумчиво всегда подписывал. Но здесь, по моему, особенно старался выразить (и выразил!) самое главное в своём отношении к ближайшему человеку.

Перечитываю и восхищаюсь. Как вы думаете, почему он написал “совместной и довольно счастливой жизни”, а не просто “счастливой”? А именно потому, я считаю, что она ведь совместная. В счастливости для себя сомнений нет, а за жену категорически судить не берётся, вставляя тактичное, с оттенком предположительности, присловье “довольно”.

Зато всё более чем определённо в признании того, что значит для него этот человек. Утверждает с благодарностью её “подвиг мученичества и любви”, а книгу, и, конечно, не только эту, оценивает как результат их общих трудов.

Ни капли сомнения нет у меня, что написал он так с полнейшей искренностью, а не просто отдавая дань некоему юбилейному “политесу”. Сама жизнь и далее будет это по-разному подтверждать.

Он ведь не знал, не мог знать в день их семейного сорокалетия, что ещё больший подвиг любви, мученичества, общих трудов выпадет Светлане Ивановне на десятилетие следующее, которому суждено будет стать в её жизни последним. Тяжкие болезни мужа, которые, словно сговорившись, ещё яростнее пошли в атаку на него, грозя самым страшным – утратой памяти. Гибель горячо любимой дочери Маруси. И, наконец, около двух лет спустя эхом той невероятно глубоко пережитой трагедии – удар по ней самой: рак.

Понятно, что свалившееся на них переносили они вместе, изо всех сил помогая друг другу. Но давайте учтём: она всё-таки женщина. Смерть Маруси, с которой душевно были они накрепко связаны, настолько надорвала её изнутри, что Валентин Григорьевич даже месяцы спустя писал в своих письмах о “постоянно плачущей жене”. Хотя вне дома никому она не плакалась и не жаловалась, что поражало, например, мою жену.

Впрочем, эти горести и удары, эти хвори, слившиеся в непрерывном потоке, со временем уже не давали возможности верно понять со стороны, кому из них двоих сейчас тяжелее и кто кого больше поддерживает. Во всяком случае, долго не показывавшаяся на людях после роковой авиакатастрофы Светлана Ивановна просто вынуждена была брать себя в руки для совершенно необходимой помощи мужу. Получалось, что он без неё даже из дому выйти не может. А если выйдет, того и гляди заблудится.

— Она для меня всё: глаза, уши, память, — сказал он мне однажды, когда навещал я его в клинике нервных болезней имени Россолимо. Находился он здесь в палате с писателем Леонидом Бородиным, а для разговоров мы уходили куда-нибудь в конец больничного коридора.

“Она для меня всё...” Сказано было по-распутински негромко, но внушительно. И второй раз он повторит это, обращаясь уже к моей жене, когда будут они со Светланой Ивановной у нас дома в гостях на Масленицу.

Увы, продолжительное лечение и в этой клинике мало тогда помогло. Он рассказывал, как неожиданно потерял сознание в аэропорту, и память, к сожалению, тоже не улучшилась.

Однако непостижимым образом жизнь заставляла их держаться. Вот и масленичное застолье в тот день никаких следов уныния не обнаруживало. Шутили, смеялись, вспоминали что-то забавное. А ведь Светлана Ивановна уже перенесла операцию и длительную химиотерапию, о которой слышал я от Валентина Григорьевича, что даётся она ей очень нелегко.

И такая особая чуткость

В узком кругу и в домашней обстановке было, разумеется, проще. Но жизнь вытаскивала их и на авансцену, где приходилось мобилизовываться, как говорят, по полной. Я видел: тут особенно у них включалась взаимовыручка.

Любившая Распутина всей душой Татьяна Васильевна Доронина в самое трудное время находила возможность его поддержать. В своём театре устроила, например, великолепный вечер в честь 70-летия писателя. Тогда он ещё имел силы выйти перед огромным переполненным залом и произнести большую раздумчивую речь, завершившуюся под бурные овации.

Совсем иначе чувствовал себя, когда Татьяна Васильевна пригласила их на премьеру спектакля “Деньги для Марии”. Какой-то особо тяжкий по состоянию выпал для него день. Едва мы встретились в фойе, первое слово, которое я от него услышал, было: “Боюсь”. Вот, дескать, выступать придётся, а я не могу. Успокоения мои, что будет это происходить на Малой сцене, а не в главном зале, не очень подействовали. Убедительнее оказалась Светлана Ивановна. “Знаешь, — сказала она, — тебе и не надо выступать. Достаточно поблагодарить людей за работу”.

И перед спектаклем, и после я невольно любовался ею. В белой кофточке, с букетом цветов казалась она необыкновенно светлой и лёгкой, как будто никаких болезней не бывало у неё и в помине. Чего стоило ей так собраться!

Секрет, разумеется, в том, что слишком хорошо понимала состояние мужа в те часы и минуты, а потому заранее взяла основное напряжение на себя.

Валентин Григорьевич выполнил её совет, и действительно, слово искренней благодарности после спектакля достойно заменило пространную речь, необходимость которой так мучила его. А Светлана Ивановна и дальше, когда чуть ли не вся труппа во главе со своей выдающейся руководительницей разместились за накрытыми столами, продолжала очень искусно мужа выручать. Тост произнесла от имени их обоих, отвечала на какие-то вопросы с разных сторон и всё время поддерживала беседу с Татьяной Васильевной, сидевшей между ними. То есть Валентину Григорьевичу можно было спокойно молчать, чего и хотелось ему в данный момент более всего.

До последнего вздоха

Обманное у меня возникло тогда впечатление, что Светлана Ивановна твёрдо идёт на поправку. Обманное. . .

Вскоре узнал, что она опять в больнице. А ещё через некоторое время, совершенно неожиданно, Валентин Григорьевич отправится вместе с ней в последний для жены авиарейс до Иркутска.

Пятнадцатого марта 2012 года, в день его 75-летия, на открывающейся в павильоне ВДНХ выставке-ярмарке “Книги России” мы должны были вместе подписывать читателям возле стенда издательства “Алгоритм” только что вышедший полный сборник наших бесед, получивший название “Эти двадцать убийственных лет”. О встрече договорились заранее. Но вечером накануне – телефонный звонок.

– Извините, – слышу в трубке глуховатый голос Валентина Григорьевича, – к сожалению, завтра быть не смогу. Я не говорил вам, что со Светланой Ивановной совсем плохо, здесь врачи фактически отказываются от неё. Надо лететь в Иркутск: Ганичев помог с самолётом. Так что ночью отправляемся. . .

Ровно полтора месяца осталось ей. И всё это время, как знаю из рассказов её сестры Евгении Ивановны, муж от неё не отходил. До последнего вздоха.

Ушла она 1 мая – в день рождения своего отца, замечательного поэта Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского, чьё имя в 1961 году было присвоено главной иркутской библиотеке.

День многолетней семейной радости, двойной праздник стал теперь и днём скорби. . .

Однако, вспоминая Светлану Ивановну – этого прекрасного человека, так много сделавшего своей самоотверженностью, чтобы состоялся жизненный и творческий подвиг Валентина Распутина, – мысленно повторяю незабвенную пушкинскую строку: “Печаль моя светла”...

Вспоминаю и строки Василия Андреевича Жуковского, про которые спросили меня однажды Светлана Ивановна и Маруся:

*О милых спутниках,
которые наш свет
Своим сопутствием
для нас животворили,
Не говори с тоской:
“Их нет”, —
Но с благодарностью:
“Были!”*

Они обе были тогда. И был жив Валентин Григорьевич, от которого я, как и многие другие, их не отделял. А затем начались расставания.

С Марусей в июле 2006-го я проститься не мог. Но прилетел в Иркутск через год и был на поминании у них дома.

9 июля. Вместе стояли над усыпанной цветами могилой на Смоленском кладбище, с высоты которого открывался великолепный вид на родной их город.

Ночевали на даче. И Светлана Ивановна снова вспоминала, что именно для этого дома везла Маруся из Москвы удачно найденный, как она сообщила, подарок: флюгер на крышу в виде петушка. Не довезла.

Через пять лет, в 2012-м, я опять был в Иркутске. И опять мы пришли на могилу, только Светланы Ивановны с нами уже не было. Она лежала рядом с дочерью.

— Здесь и я лягу, — тихо сказал Валентин Григорьевич.

Что ж, воспринял я это совершенно естественно.

Почему же не сбылось?

Болит сердце. Болит и болит...

Передо мной телеграмма, которая пришла от них в день моего 75-летия. Перечитываю её, и снова всплывает в памяти многое, и опять поражаюсь их доброте: *“Дорогой Виктор Стефанович! Дорогой юбиляр! Поздравляем! Чтобы поздравлять вас и Аллу Васильевну ещё долго и долго, мы готовы жить сколько угодно и оставаться вашими друзьями. Искренне, с любовью и благодарностью, Распутины”*.

Это был февраль 2010-го. После гибели Маруси минуло три с половиной года. Светлане Ивановне оставалось около двух лет, а Валентину Григорьевичу — меньше пяти.

“Готовы жить сколько угодно”, — пошутили они в той телеграмме. Увы, так не получается. Но, к счастью, они вместе навсегда останутся в книгах Валентина Распутина, которым жить вечно.

Виктору Стефановичу Кожемяко — 85!

Виктор Кожемяко широко известен как журналист-правдист, автор содержательных книг, в которых собраны его беседы с Валентином Распутиным, Вадимом Кожиновым, Александром Зиновьевым. Читателей привлекает и его бескомпромиссная защита советской цивилизации, и её герои.

***Сердечно поздравляем нашего давнего автора и друга!
Здоровья, вдохновения, новых талантливых книг.***

Редакция